

„Въ людяхъ“

Новое произведение М. Горькаго.

Въ январской книжкѣ журнала „Этнописецъ“, которая выйдетъ въ свѣтъ, въ двадцатыхъ числахъ этого мѣсяца, напечатается новое большое произведение Максима Горькаго „Въ людяхъ“, являющееся непосредственнымъ продолженіемъ его „Дѣтства“. Периодомъ мною лежатъ корректурные листы первыхъ двухъ главъ новой повѣсти. Спѣшу подѣлиться содержаніемъ ихъ съ читателемъ.

Какъ читатель, можете быть припомнить, „Дѣтство“ заканчивается крикомъ элиодомъ:

„Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ матери, дѣдъ сказалъ мнѣ:

— Ну, Лексѣй, ты—не медаль, на шеѣ у меня,—не мѣсто тебѣ, а иди-ка ты въ люди...

И пошелъ я въ люди.“

Первымъ мѣстомъ, гдѣ „Лексѣй“ отучился, пошла „въ люди“, была лавка „модной обуви“ на главной улицѣ города.

Мой хозяинъ—маленькій, круглый челоушекъ; у него бурое, стертое лицо, гелевые зубы, водянисто-грязные глаза. (чѣ кажется мнѣ слышнѣе, и, желая убѣдиться въ этомъ, я дѣлаю гримасы.

— Не криви рожу,—тихонько, но строго говорить онъ.

Непріятно, что эти мутные глаза видятъ меня, и не вѣрится, что они видятъ, можетъ быть, хозяинъ только догадывается, что я гримасничаю.

— Я сказалъ—не криви рожу,—еще тише внушаетъ онъ, почти не шевеля толстыми губами.

— Не чеши руки,—ползаетъ ко мнѣ его сухой шопотъ.—Ты служишь въ первоклассномъ магазинѣ, на главной улицѣ города, это надо помнить. Мальчикъ долженъ стоять при двери, какъ статуя...“

Жизнь въ лавкѣ, послѣ приобщеннаго житія у бабушки, на пестчаныхъ улицахъ Канавила, сильно тяготила мальчика. Ему доставало бабушки, товарищей, не съ кѣмъ было говорить, а жизнь раздражала, покачивая (мнѣ) свою неказистую, живую изнанку“.

Часто, проводивъ знакомому покупателю вѣжливыми поклонами и любезными словами, онъ говорил о ней грязно и безстыдно, вызывая у меня желаніе пошлѣть на улицу и, догнавъ женщину, рассказать, какъ говорить о ней.

Я, конечно, зналъ, читаемъ мы дальше, что люди, вообще, плохо говорятъ другъ о другѣ за глаза, но эти говорили обо всѣхъ особенно возмутительно, какъ будто они

были кѣмъ то признаны за самыхъ лучшихъ людей и назначены въ судьи міру. Многимъ завидуя, они никогда никого не хвалили и о каждомъ человѣкѣ знали что-нибудь скверное“.

Конецъ постылой службѣ въ магазинѣ положилъ несчастный случай. Разогрѣвая на керосинкѣ судокъ со шами, Лексѣй задумался и опрокинулъ судокъ себѣ на руки. Его отвратили въ больницу. Необычайно яркое описание пребывания въ больницѣ:

„Помню тигостный комаръ больницы: въ желтой, эмкой пустотѣ слѣпо копошились, урчали и стонали сѣрыя и бѣлыя фигуры въ саванахъ, ходили на костыляхъ длинный человекъ съ бровями, точно усы, трясъ большой черной бородой и рычалъ презрительно:

— Преосвященному донесу.“

„Койки напоминали гроба, больные, лежа кверху носами, были похожи на мертвыхъ воробьевъ. Катались желтые стѣны, паромъ мѣтался потолокъ, полъ эмбился, сдвигал и раздвигая ряды коекъ, все было ненадежно, жутко, а за окнами торчали сучья деревьевъ, точно розги, и кто-то трясъ ими.

Въ двери прилясывалъ рыжий, тоненькій покойникъ, дергалъ коротенькими руками саванъ свой и визжалъ:

— Мнѣ не надо сумасшедшихъ.

А человекъ на костыляхъ оралъ въ голову ему:

— Преосвященному съ...“

Дѣдъ, бабушка, да и всѣ люди всегда говорили, что въ больницѣ мрутъ люди, я считалъ свою жизнь поконченной...“

Наступилъ вечеръ... Зажгли двѣ лампы, ихъ желтые огни повисли подъ потолкомъ, точно чьи-то потерянные глаза, висятъ и выкаютъ, досадно ослѣпляя, стремясь сблизиться другъ съ другомъ.

Въ углу кто-то сказалъ:

— Давай въ карты играть.

— Какъ же я безъ руки-то.

— Ага, отрѣзали тебѣ руки.

Я тотчасъ сообразилъ: вотъ—руку отрѣзали за то, что человекъ игралъ въ карты. А что сдѣлать со мною передъ тѣмъ, какъ уморить меня.

Руки мнѣ жгло и рвало, словно кто-то вытаскивалъ кости изъ нихъ. Я тигостно залакалъ стѣ страха и боли, а чтобы не видно было слезъ,—закрывъ глаза, но слезы приподнимали вѣки и текли по вискамъ, попадали въ уши“.

Спасеніе пришло въ лицѣ бабушки. Узнала она про бѣду, страшную надъ внукомъ, и поспѣшила за нимъ въ больницу. Перевязали ему ожоги, и увезла его бабушка къ себѣ. Дѣдъ встрѣтилъ ихъ на дворѣ, тесалъ топоромъ какой-то клинъ.

„Приподнявъ тилоръ, точно собираясь швырнуть его въ голову мнѣ, и, снявъ шапку, насмѣшливо сказалъ:

— Здравствуй же, цѣлодушное дитѣ, наше благодіе. Отслужили. Ну, ужъ теперь какъ хотите живите, да. Эхъ, вы—и...“

— Знаемъ, знаемъ,—торопливо проговорила бабушка, отмахиваясь отъ него, а войдя въ комнату и ставя самоваръ, рассказывала:

— Теперь—начисто разорился дѣдушко-то; всякія деньги были, всѣ отдалъ крестнику Николою въ ростъ, а расплатокъ, видно, не бралъ съ него—ужъ не знаю, какъ это у нихъ сталося, только—разорился, пропали деньги. А все за то, что бѣднымъ не помогли мы, несчастныхъ не жалѣли—Господь-то и подумалъ про насъ: для чего же я Каширскихъ добромъ одѣлилъ. Подумалъ, да и—лишилъ всего...“

Изъ всѣхъ предѣльныхъ товарищей мальчикъ нашелъ дома только двоихъ: Коорому и Чурку. Остальные разбрелись—кто куда, одинъ—Вяхиръ—померъ: „вѣтрякъ его задушилъ“. А оставшіеся двое враждовали, влюбившіеся оба въ девочку-хрюшенькую Людмилу, дочь новыхъ жильцовъ. Не понравилась она Лексѣю: изъ-за нея Чурка сталъ важничать предъ нимъ. И прямодушный мальчикъ прямо высказалъ это Людмилѣ.

„Она покраснѣла, по отвѣтила насмѣшливо:

— Вотъ еще. Чѣмъ же я виновата.

— А зачѣмъ влюбляешь.

— Я ихъ не просила влюбляться,—сказала она сердито и пошла прочь, говоря:—Глупости все это. Я старше ихъ,—мнѣ четырнадцать лѣтъ. Въ старшихъ девочекъ не влюбляются...“

— Много ты знаешь,—желая обидѣть ее, крикнулъ я.—Вотъ лавочница, Хлыстова сестра, совсѣмъ старая, а какъ пугается съ парнями-то.

Людмила воротилась ко мнѣ, глубоко всаживая свой костыль въ несокъ двора.

— Ты самъ ничего не знаешь,—заговорила она торопливо со слезами въ голосѣ, и милые глаза ее красиво разгорѣлись. Лавочница—распутная, а я—такая, что ли. Я еще маленькая, меня нельзя трогать и шипать, и все... ты бы вотъ почиталъ романъ „Камчадалка“, часть вторая, да и говоришь бы.

Она ушла всхлипывая. Мнѣ стало жаль ее—въ словахъ ея звучала какая-то нездоровая правда. Зачѣмъ шипаютъ ее товарищи мои. А еще говорить влюбленъ“.

За ссорой послѣдовало примиреніе. Дѣти вскоре сдружились и проводили цѣлые дни вмѣстѣ.

Я выдѣлилъ только нѣсколько эпизодовъ изъ двухъ печатныхъ листовъ повѣсти. Написанная удивительно просто, съ какой-то особенною, только М. Горькому свойственною интимностью, новая вещь знаменитаго писателя читается съ захватывающимъ интересомъ.